

УДК 34**Особенности очередности удовлетворения требований супругов в рамках дел о несостоятельности (банкротстве)****Радионов Никита Сергеевич**

Аспирант,
Юридический факультет,
Финансовый университет при Правительстве РФ,
125993, Российская Федерация, Москва, Ленинградский проспект, 49;
e-mail: nikradio@bk.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу особенностей субординации требований супругов в делах о банкротстве физических лиц в Российской Федерации. Рассматриваются теоретические подходы к пониманию института субординации, его правовая природа и критерии применения. Особое внимание уделяется проблеме аффилированности в контексте семейных правоотношений и специфике субординации требований супругов-кредиторов. В статье анализируется актуальная судебная практика, в том числе позиции Верховного Суда РФ по вопросам субординации требований в делах о банкротстве граждан. В статье обосновывается необходимость расширительного толкования круга субъектов, чьи требования могут быть субординированы, включая не только супругов, но и других связанных с должником лиц. Подчеркивается, что субординация не является автоматическим механизмом и требует детального анализа конкретных обстоятельств дела. Автор приходит к выводу, что субординация представляет собой не отказ во включении требования в реестр, а определение особой очередности его удовлетворения, что обеспечивает баланс интересов всех участников процесса банкротства. В работе также отмечается необходимость дальнейшего развития правил субординации применительно к различным категориям требований в процедурах банкротства физических лиц.

Для цитирования в научных исследованиях

Радионов Н.С. Особенности очередности удовлетворения требований супругов в рамках дел о несостоятельности (банкротстве) // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 3А. С. 366-372.

Ключевые слова

Банкротство физических лиц, субординация требований, супруги, аффилированность, кредиторы, очередность удовлетворения требований.

Введение

Процесс банкротства физических лиц вызывает значительный интерес в научном сообществе по нескольким ключевым причинам. Во-первых, наблюдается неуклонный рост числа физических лиц, ставших банкротами; эта динамика неизменно продолжается из года в год, что подчеркивает необходимость глубинного анализа и разработки эффективных механизмов в данной области. Во-вторых, формирующаяся судебная практика по делам о банкротстве часто оказывается неоднородной и противоречивой, что обусловлено становлением банкротства граждан как института, так и общей тенденцией роста потребительского кредитования. Рассматриваемому институту также присущи свои особенности, отличающие его от банкротства юридических лиц, среди которых вызывает интерес возможность применения субординации требований кредиторов.

Основная часть

В современной доктрине рассматриваемый институт представляет собой сложный правовой механизм, направленный на обеспечение справедливого удовлетворения требований различных групп кредиторов с учетом характера их взаимоотношений с должником. Как отмечает И.М. Шевченко, «понимание субординации следует раскрывать через дихотомию «правило о распределении риска - мера ответственности», при этом более корректным представляется понимание субординации именно как правила о распределении риска» [Шевченко, 2023, 173]. Концептуальное осмысление природы субординации требований позволяет выделить несколько ключевых подходов к ее определению. Согласно первому подходу, субординация представляет собой механизм перенесения на контролирующих должника лиц (далее также – «КДЛ») рисков утраты финансирования, предоставленного должнику в целях спасения его от банкротства. Данная позиция нашла отражение в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ от 29 января 2020 года, где под КДЛ понимается лицо, имеющее бенефициарный интерес в распределении прибыли должника. Второй подход рассматривает субординацию как систему «сбалансированных правовых средств, обеспечивающих формирование и реализацию наиболее справедливой модели ранжирования требований кредиторов» [Широкова, 2023, 29]. Оба подхода органично сочетаются, поскольку справедливое ранжирование требований кредиторов (второй подход) невозможно без учета рисков и ответственности контролирующих лиц (первый подход). При этом, механизм перенесения рисков на КДЛ (первый подход) является одним из правовых средств, обеспечивающих справедливую модель удовлетворения требований (второй подход).

Особого внимания заслуживает вопрос о критериях аффилированности для целей субординации. Традиционное понимание аффилированности, основанное на формальных юридических признаках, в современных условиях дополняется концепцией фактической аффилированности. Как указал Верховный Суд РФ в Определении от 15.06.2016 года № 308-ЭС16-1475, аффилированность включает не только формальные корпоративные связи, но и возможность оказывать влияние на принятие решений в сфере ведения предпринимательской деятельности. Учитывая, что к признакам, свидетельствующим о необходимости субординации требований традиционно относят характеристики, присущие скорее корпоративным отношениям (компенсационный характер финансирования, предоставленного в условиях имущественного кризиса должника; заключение сделок на нерыночных условиях, недоступных

независимым участникам оборота; длительное непринятие мер по взысканию задолженности; наличие единого производственного цикла), особенности применения субординации в делах о банкротстве физических лиц требуют отдельного рассмотрения.

Следует отметить, что сам институт субординации, применяемый в рамках процедур банкротства юридических лиц, обладает рядом существенных недостатков, обусловленных его нормативной регламентацией. Тем более подобные проблемы становятся очевидными при адаптации данного института субординации к процедурам банкротства граждан. Законодательная несовершенство данного механизма наиболее ярко проявляется в контексте субординации текущих требований, возникших после возбуждения дела о банкротстве, поскольку здесь сталкиваются два противоположных правовых института - приоритетное удовлетворение текущих платежей и понижение очередности требований аффилированных кредиторов. Как справедливо отмечает И.М. Шевченко, «идеи выделения категории текущих платежей в деле о банкротстве, с одной стороны, и субординации требований кредиторов, с другой стороны, противоречат друг другу. В первом случае соответствующие требования признаются подлежащими приоритетному удовлетворению, а во втором - очередность удовлетворения требований, напротив, понижается» [Шевченко, 2023, 164]. При этом сам термин «субординация текущих платежей» является своего рода оксюмороном, поскольку требование логически не может быть одновременно и текущим, и субординируемым. Практика Верховного Суда РФ по данному вопросу прошла определенную эволюцию. Если изначально в Определении от 11.06.2020 № 305-ЭС20-16 СКЭС ВС РФ допустила возможность субординации текущих требований корпоративного характера, то в дальнейшем в Определении от 10.02.2022 года № 305-ЭС21-14470(1,2) Суд сформулировал новое обоснование для субординации текущих требований через концепцию смешения активов должника и других членов группы лиц, создания дублирующих компаний и свободного перемещения капиталов внутри группы. Представляется, что теоретическим фундаментом для обоснования допустимости субординации текущих требований может служить понимание субординации через призму товарищеских отношений внутри группы аффилированных лиц. Как указывает И.М. Шевченко, «отношения с такими лицами всегда являются внутренними в противовес внешним отношениям с независимыми кредиторами. Идея о непротивопоставимости внутренних отношений внешним является универсальной для гражданского права в целом» [Шевченко, 2023, 169]. При таком подходе субординации подлежат требования из внутригруппового финансирования независимо от момента его предоставления - как до, так и после возбуждения дела о банкротстве.

Наиболее очевидным и часто приводимым примером субординации требований кредитора в деле о банкротстве гражданина выступает ситуация, когда кредитором является супруг должника; при этом представление, что субординация может быть применима исключительно в случае семейных или супружеских отношений, представляется чрезмерно узким и не даёт полной картины возможностей этого правового института, который может и должен развиваться и за пределами столь ограниченного круга субъектов. В этой связи важно подчеркнуть, что возможность применения механизма субординации в делах о банкротстве граждан целесообразно рассматривать ближе к практике и теории как потенциально применимую к более широкому кругу правоотношений, чем это представляется на первый взгляд, и охватывать в такой практике не только супругов, но и другие категории лиц, чьи связи с должником могут иметь схожую природу. Как отражено в ранее исследованных материалах и правоприменительных актах, процедура субординации требований кредиторов позиционируется как механизм, основная задача которого состоит в обеспечении защиты

интересов независимых кредиторов и предотвращении злоупотреблений, которые могут происходить со стороны аффилированных лиц; обоснованность и целесообразность применения этого инструмента напрямую зависят от характера и природы существующих между кредитором и должником связей, а также от целей и мотивов, которые эти лица преследуют в возникшей ситуации. Таким образом, в дополнение к субординации требований супругов вполне правомерен анализ аналогичных механизмов относительно других категорий субъектов. Прежде всего, это касается родственников должника, таких как родители, дети, братья, сестры, а также более дальние родственники, которые могут быть признаны аффилированными лицами; фактические брачные или партнерские отношения также ставят вопрос о возможной субординации требований сожителей или гражданских супругов. Неотъемлемым элементом этого анализа становится участие в бизнесе должника, где учредители или партнеры имеют значительное влияние на финансовые и управленческие процессы и, следовательно, их кредитные требования могут подлежать субординации; это же касается и руководящих должностей, которые исключают объективное разделение интересов кредитора и должника, что ведет к признанию их требования или долга аффилированным. В случаях, когда работники компании также выступают в роли кредиторов, часто возникает необходимость детально оценивать их роль и влияние на процессы в организации для принятия решения о применении субординации. Обладатели доли в капитале совместного бизнеса с должником, как и лица, предоставившие заём фиктивно, занимают не менее важное место в анализе субординации, поскольку их влияние, уровень участия или умышленность действий становятся ключевыми индикаторами для выявления эффективности и правомерности субординации их требований. Наконец, особого внимания заслуживают ситуации, когда кредиторы участвуют в сделках, направленных на злоупотребление правами, таких как сокрытие имущества должника или преднамеренное увеличение долговой нагрузки с целью манипуляции механизмами банкротства. В этой же категории оказываются партнеры по соглашениям о совместной деятельности, деятельность которых варьируется от вполне правомерных до потенциально конфликтных, если их намерения предполагают утаивание обязательств или получение необоснованных выгод в процедурах банкротства. Доверенные лица, часто действующие формально от имени других заинтересованных сторон, представляют отдельную категорию кредиторов, чьи намерения и роль оказываются особенно сложными для объективной оценки без всестороннего анализа их участия и связей с должником.

Важно отметить, что настоящая статья не предполагает обязательного введения автоматической субординации требований даже со стороны ранее затронутого примера – кредиторов, находящихся в супружеских отношениях с должником. Рассматриваемая возможность субординации предполагает не абсолютный запрет или разрешение, а необходимость детального анализа конкретной ситуации и установления ключевых критериев для её реализации, что позволяет обеспечить баланс интересов всех участников этой сложной процедуры. Целями субординации в контексте её применения к требованиям аффилированных кредиторов, включая супругов, выступает защита независимых кредиторов от конкуренции с требованиями, выдвигаемыми лицами, связанными с должником особыми отношениями. Помимо этого, процедура субординации направлена на предотвращение ситуации, когда заинтересованные лица получают возможность излишнего контроля над ходом дела о банкротстве, а также на обеспечение справедливой очередности удовлетворения требований в соответствии с установленными законом правилами. Такие цели обусловлены необходимостью исключения злоупотребления правами в рамках банкротства, что становится особенно

актуальным в условиях возрастающего числа дел, связанных с финансовой несостоятельностью физических лиц. Субординация требований супруга-кредитора, в свою очередь, имеет под собой ряд специфических мотивов, основными из которых являются наличие доверительных, часто негласных отношений между супругами, предполагаемая их осведомленность о финансовом состоянии друг друга, а также возможность возникновения ситуации, когда предъявление требований преследует потенциально недобросовестные цели, такие как ущемление интересов других кредиторов или сокрытие активов. Именно эти мотивы обуславливают необходимость чрезвычайно внимательного анализа обстоятельств дела, когда речь идет о предъявлении требований супругом должника. Условия, при которых применение субординации к требованиям супруга становится обоснованным и допустимым, включают такие критерии, как доказанность компенсационного финансирования за счёт активов, прямо или косвенно выведенных из оборота, установленная недобросовестность действий самого супруга-кредитора, а также направленность предъявляемых требований на ущемление законных интересов других кредиторов. Как отмечают М.В. Лицкас и Ю.В. Холоденко, для компенсационного финансирования следует говорить только о цели возвращения должника к нормальной экономической деятельности с помощью перераспределения рисков утраты внутреннего (компенсационного) финансирования. В случае же докапитализации целью уже будет являться само перераспределение рисков на всех иных кредиторов в случае неуспешности капитализации должника и его дальнейшего банкротства [Лицкас, Холоденко, 2023, 34]. Помимо этого, особое внимание должно уделяться специфике семейных правоотношений, поскольку они предполагают наличие или возможность возникновения ситуаций, требующих дополнительной правовой оценки с точки зрения принципа добросовестности поведения участников гражданского оборота.

Ключевым аспектом является то, что субординация представляет собой не отказ во включении требования в реестр, а определение его особой очередности удовлетворения. В своем определении от 30.06.2025 по делу № 307-ЭС22-25636 (6) Верховный Суд РФ сформулировал принципиально важные правовые позиции относительно природы и последствий субординации требований. Во-первых, Суд указал на то, что реестр требований кредиторов фактически не ограничивается тремя основными очередями. Анализ положений Закона о банкротстве показывает существование множества требований, которые удовлетворяются в иной очередности. К ним относятся: требования руководства должника по выплате выходного пособия (п. 2.1 ст. 134 Закона о банкротстве); реституционные требования по недействительным сделкам с элементом недобросовестности (абз. 5 п. 4 ст. 134); требования владельцев облигаций без срока погашения (абз. 7 ст. 134); регрессные требования лиц, привлеченных к субсидиарной ответственности (п. 3 ст. 61.15). Во-вторых, различные формулировки закона об очередности («после удовлетворения требований кредиторов», «после всех других требований» и т.д.) являются юридико-техническими приемами для описания последовательности погашения требований, но не меняют их статус как включенных в реестр. В-третьих, и это принципиально важно, Суд подчеркнул, что при прекращении производства по делу о банкротстве в связи с погашением требований кредиторов (ст. 57 Закона) необходимо погасить также и субординированные требования. Иной подход противоречил бы реабилитационной природе института погашения требований третьим лицом. Как указал ВС РФ, «погашение требований третьим лицом – это своего рода реабилитационная процедура, заключающаяся в поиске инвестора, готового взять на себя расходы по восстановлению платежеспособности должника». Соответственно, формальное прекращение дела без

погашения субординированных требований не достигает цели окончательного урегулирования ситуации банкротства. Практическое значение данной позиции иллюстрируется обстоятельствами рассмотренного дела - после прекращения производства по делу субординированный кредитор инициировал новое дело о банкротстве на основании непогашенного требования, что явно противоречит целям законодательного регулирования.

Заключение

Таким образом, субординация требования не означает его исключение из реестра или отказ в правовой защите. Это лишь определение особого порядка его удовлетворения, который должен соблюдаться в том числе при прекращении производства по делу о банкротстве. Данный подход обеспечивает баланс интересов всех участников процесса и стабильность гражданского оборота. В развитие практики можно прогнозировать дальнейшую детализацию правил о субординации применительно к различным категориям требований и процедурам банкротства. При этом ключевым ориентиром должно оставаться понимание субординации как механизма определения очередности, а не лишения правовой защиты.

Библиография

1. Шевченко И.М. К вопросу о субординации требований кредиторов, возникших после возбуждения дела о банкротстве / И.М. Шевченко // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2023. – № 6. – С. 164, 173.
2. Широкова Е.В. Корпоративная реструктуризация и субординация требований кредиторов: концептуальные аспекты взаимодействия / Е.В. Широкова // Юрист. – 2023. – № 10. – С. 29.
3. Лицкас М.В., Холоденко Ю.В. Модели субординации требований кредиторов: докапитализация или компенсационное финансирование? // Хозяйство и право. – 2023. № 12. – С. 34.

Peculiarities of Prioritizing Spouses' Claims in Personal Bankruptcy Cases

Nikita S. Radionov

Postgraduate Student,
Faculty of Law,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
125993, 49, Leningradsky ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: nikradio@bk.ru

Abstract

The article examines the peculiarities of subordinating spouses' claims in personal bankruptcy cases in the Russian Federation. It analyzes theoretical approaches to understanding the concept of claim subordination, its legal nature and application criteria. Special attention is paid to the issue of affiliation in the context of family relations and the specifics of subordinating claims of spouse-creditors. The study examines current judicial practice, including positions of the Supreme Court of the Russian Federation regarding claim subordination in personal bankruptcy cases. The author substantiates the need for broad interpretation of the range of subjects whose claims may be subordinated, including not only spouses but also other persons related to the debtor. It is

emphasized that subordination is not an automatic mechanism and requires detailed analysis of specific case circumstances. The conclusion is made that subordination represents not a denial of claim inclusion in the register, but rather a determination of special priority for its satisfaction, which ensures balance of interests for all bankruptcy participants. The study also highlights the necessity for further development of subordination rules applicable to various categories of claims in personal bankruptcy procedures.

For citation

Radionov N.S. (2025) Osobennosti ocherednosti udovletvoreniya trebovaniy suprugov v ramkakh del o nesostoyatelnosti (bankrotstve) [Peculiarities of Prioritizing Spouses' Claims in Personal Bankruptcy Cases]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (3A), pp. 366-372.

Keywords

Personal bankruptcy, claim subordination, spouses, affiliation, creditors, priority of claims satisfaction.

References

1. Shevchenko I.M. On the issue of subordination of creditors' claims that arose after the initiation of bankruptcy proceedings / I.M. Shevchenko // *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. - 2023. - No. 6. - P. 164, 173.
2. Shirokova, E.V. Corporate restructuring and subordination of creditors' claims: conceptual aspects of interaction / E.V. Shirokova // *Jurist*. - 2023. - No. 10. - P. 29.
3. Litskas M.V., Kholodnenko Yu.V. Models of subordination of creditors' claims: additional capitalization or compensatory financing? // *Business and Law*. - 2023. No. 12. - P. 34.